

МБУ «Гдовская районная центральная библиотека»

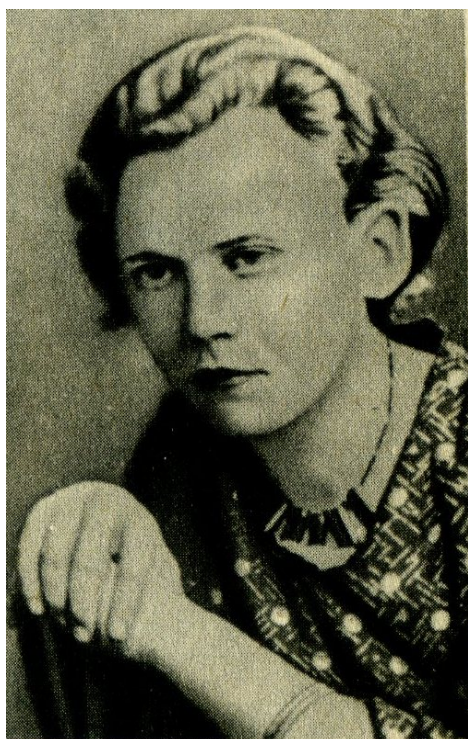
**Межрегиональный конкурс на лучшее
историческое исследование
на тему: «Дети Ленинградского партизанского
края**

(1941 – 1944 гг.). Жизнь и судьба»

«СВЯЗНАЯ ПОДПОЛЬНОГО РАЙКОМА

МАЙЯ АГАПОВА»

**(По страницам документальной повести
Масолова Н.В. «Кремень высекает огонь»)**

автор работы:

Ломакова Елизавета Александровна
учащаяся 8 «А» класса(14 лет)
МБОУ «Гдовская средняя
общеобразовательная школа»

руководитель:

Клевцова Наталья Ивановна
Руководитель отделения
по работе с детьми
МБУ «Гдовская районная
центральная библиотека»

Война на Псковщине

Псковская земля в течение 20 лет была пограничной зоной: на её территории размещалось значительное число войск, создавались укрепленные пограничные заставы, строились оборонительные сооружения. Местные жители участвовали в соревнованиях по стрельбе, получали за победы значки «Ворошиловский стрелок», пели во время праздников известную тогда песню «Если завтра война.....». Но 22 июня 1941 года псковичи, как и вся страна, были потрясены сообщением о начале войны с Германией. А уже 2 июля начались бомбардировки Пскова и Великих Лук. Нацисты устанавливали в городах и сёлах свой порядок: создавали собственные органы власти, полицейские управления. Все жители должны были регистрироваться в специальных органах (управах) и работать без всякой оплаты или за очень маленькие деньги. В справках, которые должен был иметь каждый работающий человек, жестко прописывался даже путь до места работы и время передвижения. За нарушение грозило наказание. Устанавливался комендантский час, после которого появление на улице было запрещено. Часть жителей Псковщины были угнаны в Германию: в концентрационные и трудовые лагеря, на принудительные работы. Действия гитлеровцев не оставались безнаказанными. Уже в первые месяцы оккупации были организованы небольшие партизанские отряды от 25 до 180 человек. А к 1942 году в лесах Псковщины действовали несколько партизанских бригад. Ленинградской партизанской бригаде (командир - кадровый офицер Николай Григорьевич Васильев), удалось создать первый в истории войны Партизанский край. На его территории располагалось более 400 деревень, где была восстановлена Советская власть, работали школы, издавались листовки и газеты, сообщавшие правду о происходивших событиях. Осенью 1941 года на картах штаба охранных войск группы «Норд» деревня Щепец была помечена как партизанская. Не жаловали её гитлеровцы и в дальнейшем. У

Лизера, Питтерсдорфа и их присных для этого населённого пункта не было другого названия, как «Чёртов угол». В архиве Института истории партии Ленинградского обкома КПСС хранится список этих людей. Первой стоит фамилия Шкаликова. И ещё целая семья значится в документе ставшем достоянием архива – Агаповы. Трое – лучший животновод колхоза «Новый труд» Анастасия Васильевна Агапова, её дочь Майя – выпускница Гдовского педагогического училища – и глава семьи Михаил Иванович, в прошлом моряк-балтиец. Агаповы, Зайцевы, Максим Федоров, Степан Мироненков, Ефим Шкаликов первыми взяли в Щепце в руки оружие и начали помогать партизанам. Есть в Заплюсье, в нескольких километрах от деревни Щепец, огромный лесисто-болотистый массив. По середине его расположен вытянутый в длину островок, поросший густым орешником. Отсюда и название – Ореховый остров. Глухое место, кругом вода, мох да предательские трясины. Не во всякое лето доберёшься дэ этого «орехового царства», а весной и осенью подавно. На Ореховом острове и решили Агаповы построить землянку для членов подпольного райкома партии. Анастасия Васильевна, едва спасшаяся от ареста при налёте карателей на Щепец (пролежала тогда два часа под мостом), помогала мужу. Выйдя к Плюссе, Анастасия Васильевна увидела самолёт, летящий низко, прижимаясь к земле. Агапова метнулась в кусты, ожидая, что сейчас вывалятся бомбы, но из самолета неожиданно полетели пакеты, рассыпавшиеся десятками листиков. Это были газеты. Не веря глазам, она дважды вслух прочла:

- Ленинградская правда. Специальный выпуск. 7 ноября 1941 года. Подобрал ещё два экземпляра, Агапова чуть ли не бегом бросилась к деревне.
- Э-э! Как тебя запушило, - встретила её на крыльце дочка. – Постой-ка, постой-ка, - Майя повернула лицо матери к себе,- что с тобой, мамочка? Ты вся светишься.
- Радость у нас, доченька. На, смотри.

Майя впиалась глазами в газету, поминутно восклицая:

- Настоящая, наша! Мамочка, погляди! На снимке немецкие танки. Написано – подбиты под Ленинградом. Ух ты, сколько их! Статья Алексея Толстого. Мамочка, это же наш писатель знаменитый.
- –Знаю, доченька, знаю,- смеялась Анастасия Васильевна, и на лице у неё, у уголков рта, исчезали горестные ниточки, появившиеся с тех пор, как началась война.

Когда мать и дочь прочли газету от первой до последней строчки, и её содержание было коротко передано внучкой деду Ивану – восьмидесятивосьмилетнему отцу Михаила Ивановича, Майя предложила:

- Мамочка, давай я позову тетю Аню, Марию Фёдоровну, забегу к Мироненковым, Всеволодовым, в общем, к нашим – позову, чтобы приходили. Все собрались. Майя зорко оберегала собравшихся людей на чтение газеты. Наблюдая, как бы кто из чужих ненароком не заглянул в окно, девушка вышла на огород. Дом Агаповых стоял на пригорке. Внизу под снежным панцирем лежал небольшой овраг. Подростком Майя любила в весенние дни спускаться туда, к ручейку. Наломает, бывало, по дороге сирени. Сядет на бережку. Спрячет в букет лицо и, вдыхая холод майского утра, уносится мечтами вместе с весёлыми говорливыми струйками ручья в полноводную Плюссу и дальше, дальше, к самому синему морю. И ещё любила Майя слушать рассказы отца. Михаилу Ивановичу было что поведать дочери. Однажды, когда Майе было лет десять, он рассказывал ей, почему дедушка Иван и другие старые люди называют иногда Гдов Вдовом... В первые же дни вторжения гитлеровцев на Гдовщину Михаил Иванович и Анастасия Васильевна, не задумываясь, стали в ряды активных борцов с врагом, но свою девятнадцатилетнюю дочь берегли, во многие дела не посвящали. Как-то в сентябре Майя помогала отцу нести мешки с партизанским провиантом. На безлюдной, размытой осенней дороге их

настигла гроза. Неожиданно налетевший вихрь нагнал на солнце сизые, мохнатые тучи. Всё вмиг потемнело. Река Плюсса вздулась и глухо ворчала. Ледяные струи дождя хлестали, как плётки. Майя, как в детстве прижалась к отцу.

- Боязно, папка.

- Это грозы - то? добродушно усмехнулся Михаил Иванович.

- Нет. За мамку боюсь. Ты думаешь, я не знаю, куда она по ночам исчезает?

- У нас с нею одна дорожка.

- За тебя я не боюсь. - Что так?

-Ты мужик-камень, - улыбнулась Майя.

- Мать твоя, доченька, коммунист. Это понимать надо.

- А я комсомолка и твоя дочь. А дети матерям всегда помогали. Агапов внимательно посмотрел на Майю и тихо ответил :

- Я поговорю с Печатниковым. Райкому партии нужна связная.

Майю любили и в школе, и в педучилище, и в деревне. Невысокая, стройная, с милым личиком и вьющимися светло-русыми волосами, она вся наполнилась жизнью, дышала весной. Девичья гордость у неё гармонично сочеталась с тихой ласковостью, отзывчивостью. Да как не любить такую: на работе – первая и в танцах никому не уступит. А улыбнётся – глаза, как небо в мае. «Не зря Майей назвали», - шутили подруги. Была среди них одна, к которой Майя питала особую привязанность, Машенька – дочь Максима Фёдорова. В семье Фёдоровых все помогали партизанам. Майя с Машей не раз разносили по верным людям листовки, газету «Гдовский колхозник», по поручению Ивана Зимарева собирали для партизан тёплые вещи, хлеб и другие продукты. И

сейчас Майя прибежала к подруге не только поделиться радостными вестями из Ленинграда, но и с предложением переписать и размножить статью Алексея Толстого «Кровь народа». Опасное это было дело. Каратели ещё не покинули Заплюсье. За домами Зайцева, Всеволодова, Фёдорова, Шкаликова и Агапова велось наблюдение. Но Маша согласилась, и рукописная «типография» заработала... Было уже поздно, когда Майя сказала:

- Хватит.

Погасив лампу и сняв одеяло с окна, подруги устроились на лавке у подоконника. Долго сидели молча, вслушиваясь в завывание начавшейся метели.

- Хорошо как было, - нарушила первой молчание Маша.

- Ты про что?

- Жили, говорю, хорошо раньше.

- Не всегда только замечали, что хорошо.

Маша придвинулась ближе к подруге, предложила:

- Давай твою любимую потихонечку споем.

За окном проносилась метельная ночь, полная тревог и неизвестности. В селе находились гитлеровцы. Огнём и железом гасили они и светлую мысль, и непокорность, и всякое воспоминание о советском образе жизни. А в домике Фёдоровых два слаженных девичьих голоса утверждали будущее своего поколения:

Окончим курс и по глухим селеньям

Мы разойдёмся в дальние края.

Ты уедешь к северным оленям,

В жаркий Туркестан уеду я.

Подружки – подпольщицы пели о своей несбывшейся мечте. Пели и верили: вернётся Красная Армия, а вместе с нею вернутся для многих дни счастливой юности...

...Конец декабря. Густым снегопадом заволокло поля и перелески. Вторые сутки над деревней Щепец и окрест гуляет метель. В такую пору к Ореховому острову ни дорог, ни троп. Но Майя Агапова рада разыгравшейся непогоде: пурга заметает следы. Несмотря на полуночный час, девушка смело пробирается к землянке, где живут товарищи её отца и сам «подпольный партийный секретарь» - так зовут Печатникова в Заплюсье. За плечами - котомка, в руках - кошелка. В них буханки хлеба, соль, варёное мясо, чистые бланки немецких паспортов. Попадись с такой ношей гитлеровцам – не миновать петли. Из-за разлапистой ели раздаётся:

- Кто идёт?
- Псковитянка.
- Куда путь держишь? –
- К Ленинграду.

Навстречу шагает человек в заснеженном полушубке. Лицо его обрамляет густая черная вьющаяся борода.

- Да, никак, это вы, Товий Яковлевич?
- Собственной персоной, Майечка. Пошли быстрее. Замёрзла?
- Нисколечко. Я быстро добиралась. Торопилась.

Через несколько минут в тёплой землянке Майя Агапова передавала Печатникову информацию, добытую членами молодёжной группы Ивана

Зимарева в городе. Не зря спешила Майя. Сведения важные: в Гдов прибыли военные строители. Очевидно, будут перешивать полотно железной дороги. Погибли из-за предательства боевики группы Дмитрия Фёдорова, действовавшей в районе деревни Дымокарь, с которой только что наладилась связь. Повешен Степан Мироненков. На совещании старост приказано начать сбор шерсти и тёплой обуви для немецких солдат. Готовится куда-то большой конный обоз... Долго в ту ночь в землянке мерцала коптилка, и под завывание усилившейся вьюги Печатников и его соратники обсуждали то, о чём сообщила связная. А она, прикорнув на нарах, задремала. Очнувшись от прикосновения чьей-то руки. Быстро вскочила. У нар стоял Печатников:

- Уходить пора, Майя. Скоро рассвет. Зимареву передай эту записку и скажи, чтобы был осторожным. Есть у нас сведения, что в ортскомендатуре раскусили, чей он староста. А тебе спасибо. Ты даже не представляешь, сколько вы с Дусей Черновой умелой подделкой немецких надписей в паспортах людей от угона в неметчину спасли. Тоже будь осторожна.
- Да я, Товий Яковлевич, - взволнованно заговорила Майя, - всё сделаю, что райком прикажет. Мне жизнь не дорога.
- За первое расцеловать готов, а за второе уши надрать надо. Один умный человек сказал: «Кто не ценит жизнь, тот не достоин её». Ну, пошли, провожу. Метель почти угомонилась, но Майе уходить не хотелось.

Обнаружить лагерь партизан помог фашистам случай. Кто-то из полицаев подсмотрел, как один из подпольщиков свернул с зимника в сторону Орехового острова. Спустя сутки более двухсот гитлеровцев и полицаев уминали снег, окружая лесной остров. В четырёх местах были оставлены засады пулемётчиков. Сжимая кольцо, десятки автоматчиков приблизились к землянке.

- Вперёд! Огонь! - скомандовал офицер.

Затрещали выстрелы. Каратели ринулись на штурм. Землянка молчала. Она была пуста. Накануне Анастасия Васильевна Агапова прибежала посреди ночи на Ореховый остров и предупредила Печатникова о грозящей партцентру опасности. Спустя час подпольщики покинули своё зимнее убежище. Многие советские патриоты Гдовского, Сланцевского, Лядского и Полновского районов стали в марте 1942 года жертвами карательной экспедиции гитлеровцев. Трагическим месяцем стал для подпольщиков Гдовщины апрель. Нагрянула беда и в Щепец. 6 апреля в здании школы была разрешена по случаю пасхи вечеринка. Решила заглянуть на вечеринку и Майя, только что вернувшаяся домой из посёлка, где она в течение двух суток разведывала маршрут и силы карательного отряда. Зимарев предупредил :

- Не ходи, Майя. Лучше тебе не показываться. Отдохни и на время исчезни из Щепца.
- Мне кое с кем встретиться надо,- возразила Майя.- Побуду лишь до первых петухов.

Но не ушла из деревни в ту ночь подпольщица, а ранним утром карательный отряд ворвался на конях в Щепец. И прямо к дому Агаповых. Бежать было поздно. Каратели прикладами вытолкали Майю, её мать и дедушку на огород. Заметив выбежавших из соседнего дома сестёр Фёдоровых, Майя крикнула:

- Девочки! Прощайте!

Больной дед Иван еле двигался. Анастасия Васильевна обняла его. К ней подошла Майя, шепнула:

-Держись, мамочка.

Под ногами хрустел уцелевший у обрыва снег. При утреннем свете он как-то странно отсвечивал, и казался синим. Каратели вскинули автоматы. Услышав сзади металлический звук, Майя резко повернулась и запела:

Никто не даст нам избавленья-

Ни бог, ни царь и не герой...

Палачи опешили. Раздался нестройный залп. Обливаясь кровью, упали старшие Агаповы. А Майя продолжала стоять. Затем она шагнула к врагам. С уст смертельно раненной комсомолки сорвались слова:

Добьёмся мы освобожденья...

Злобно выругавшись, гитлеровский офицер подбежал к Майе и в упор разрядил пистолет. «Фашисты расстреляли Агаповых всех троих, в обнимку, - дедушку Ивана, Анастасию Васильевну и Майю. Расстреляли разрывными пулями. Атаман банды карателей приказал старосте побросать изуродованные трупы в яму и зарыть по-собачьи. Но мы, молодые подружки Майечки, наносили матрацы, подушки, одеяла и, укрыв убитых, похоронили их по-человечески. Только ручеёк внизу сообщал Плюссе о нашей горе...» Это письмо пришло из Гдовского совхоза «Дружба». Автор его – доярка Зинаида Альбертовна Ракова - была свидетельницей гибели связной Гдовского подпольного райкома партии комсомолки Майи Агаповой. Борьба продолжалась. Павших заменяли новые бойцы незримого фронта. Он ширился, рос. Осенью 1943 года вся Гдовщина была охвачена пожаром народной войны. И только в феврале 1944 года красный стяг вновь взвился над Гдовом.